

ЖУКОВ

МАРШАЛ
ПОБЕДЫ

Алексей ИСАЕВ

ПАРАДНЫЕ БИОГРАФИИ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ

Алексей Исаев

ЖУКОВ

МАРШАЛ ПОБЕДЫ

9-е ПОДАРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2016

УДК 355.4(092)(47+57)
ББК 63.3(2)622-8
И85

Исаев, Алексей Валерьевич.

И85 Г.К. Жуков. Маршал Победы / Алексей Исаев. — 9-е подарочное издание. — Москва : Яуза-пресс, 2016. — 480 с. — (Парадные биографии военачальников).

ISBN 978-5-9955-0854-0

Его величают Маршалом Победы и «полководцем, выигравшим Вторую Мировую войну». Его имя навсегда вписано в скрижали русской воинской славы, а конный памятник водружен у стен Кремля. Удостоенный высшей чести — принимать Парад Победы, — маршал Жуков провозгласил с трибуны Мавзолея: «Подняв меч против нас, немцы нашли гибель от нашего меча. Отечественная война завершена. Одержана победа, какой еще не знала история!» Именно за это на Жукова в последние годы ополчились историки-ревизионисты во главе с Виктором Суворовым, которые пытаются очернить Маршала Победы, бросить тень и на главный триумф СССР, и на всю советскую эпоху.

Это исследование опровергает все обвинения в адрес Жукова, убедительно доказывая, что Георгий Константинович был лучшим полководцем Красной Армии, а его вклад в разгром фашизма невозможно переоценить. Это иллюстрированное издание — не только самая объективная биография гениального военачальника, но и ключ к разгадке его грандиозных побед.

УДК 355.4(092)(47+57)
ББК 63.3(2)622-8

ISBN 978-5-9955-0854-0

© Исаев А., 2016
© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2016

Введение

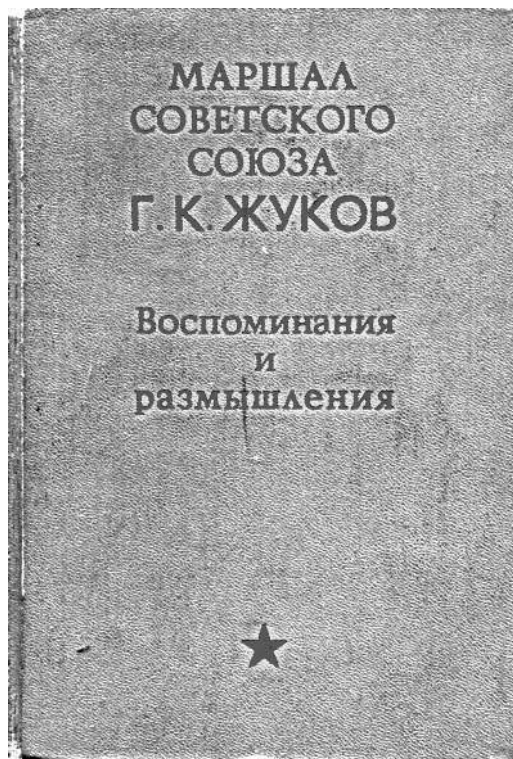
Немногим видевшим его иностранцам запомнился его «львиный лик», с широкими и твердыми устами.

Статья о Жукове в журнале «Тайм», декабрь 1942 г.

Считаю своим долгом уже с первых строк книги сделать признание: «Воспоминания и размышления» не являются моей настольной книгой. Я ее просматривал, изучал некоторые моменты, но ни одного издания мемуаров Г.К. Жукова в моей насчитывающей сотни книг библиотеке нет. В качестве источника цитат в других своих книгах я использовал электронную версию «Воспоминаний и размышлений», выложенную в сети Интернет. Объяснение этому тривиальное: я располагаю большим количеством оперативных документов за подписью Жукова. Сомнений в аутентичности этих материалов куда меньше, и их текст остается неизменным на протяжении всех тех лет, которые отделяют нас от момента их написания. Вне зависимости от того, писались ли они морозной зимой 1941/42 г., или грозным летом 1942 г., или в победную весну 1945 г. Документы гораздо интереснее и куда меньше смахивают на облезлое чучело некогда грозного хищника в зоологическом музее. Именно такую ассоциацию у меня лично вызывают выхолощенные идеологией или соображениями личного характера мемуары многих действительно заслуженных военачальников. В машинописном тексте отчетов, приказов и распоряжений мысли и страсти осталось куда больше. В общем случае подборка документов с большей степенью детализации описывает события войны. Там, где в мемуарах один абзац или даже одна фраза, в документах — десятки страниц текста.

Именно эти страницы документов сделали меня апологетом Георгия Константиновича. Благодаря им было отчетливо видно, что Жуков знал, как нужно воевать. Поэтому он с 1939 г. стал «кризис-менеджером» Красной армии, тем человеком, которого бросали на

Первое издание мемуаров Г.К. Жукова

самый трудный и опасный участок фронта. Жуков был своего рода «полководцем РКК», способным фехтовать армиями и дивизиями лучше своих коллег. Соответственно, его прибытие на находящийся в кризисе или требующий повышенного внимания участок фронта гарантировало Ставке повышенную эффективность действий советских войск на этом направлении. Одновременно я далек от бездумной восторженности. Жуков не был полководцем, который не проиграл ни одного сражения. Чаще ему приходилось из почти неизбежной катастрофы делать «не-поражение», выравнивать ситуацию от хаоса к хрупкому равновесию, вытаскивать других из глубокого кризиса. Георгию Константиновичу доставались самые сильные противники, самые трудные участки фронта. Мягкое подбрюшье спокойного участка фронта, недавно перешедшие к обороне резервы Жукову, как правило, не доставались. Иной раз ему приходилось бросать начатое дело и отдавать возможность пожинать плоды его усилий другим, вновь направляясь выручать попавшие в беду армии

и фронты или вступать в бой с самой сильной и опасной группировкой противника. Если бы не политика умолчания неудач и кризисов, «Воспоминания и размышления» могли стать очень интересной и динамичной книгой.

Я принадлежу к поколению, которое воспитывалось в 90-е и для которого документы как источник сведений о людях и сражениях стали обыденным явлением. В советское время задорная вольтижировка цитатами из мемуарной литературы еще имела какой-то смысл — попросту потому, что других источников сокровенного знания практически не было. Однако стареющие вольтижировщики въехали с этими устаревающими не по дням, а по часам трюками в новое время. И выглядит это все странно, а местами просто глупо. У исторической науки есть свои правила и наработанные десятилетиями и даже столетиями методики. Если мы откроем учебник источниковедения и прочитаем характеристику мемуарной литературы, то увидим следующие строки:

«Мемуары возникли как жанр художественной литературы, т.е. это материал не столько для исследований, сколько для чтения, часто занятого. Историки же, забывая об этом, подходят к мемуарам исключительно как к историческому источнику. Такой подход порождает претензии к мемуаристу относительно его попыток придать воспоминаниям черты занимательности»¹.

В том же учебнике мы найдем характерные черты мемуаристики советской эпохи, имевшей, как и все прочие эпохи, свои особенности: «стремление быть сопричастным тому или иному событию; стандартизация в характеристиках ситуаций, людей; формирование образа врага; недоговоренность, наличие фигуры умолчания, эзопов язык»².

Всем этим букетом «достоинств» воспоминания Георгия Константиновича обладают в полной мере. И было бы странно, если бы они этим букетиком не обладали: все эти пункты в той или иной мере можно отнести к любой книге серии «Военные мемуары». Кроме того, огромное влияние оказали идеологический прессинг и поли-

---

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1998. С. 637.

² Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1998. С. 635.

тика умолчания послевоенной эпохи. Поэтому говорить: «Жуков не написал про борьбу за Ржев и операцию «Марс», и поэтому он плохой полководец» — по меньшей мере несправедливо.

Сама политика умолчания действовала не по столь очевидным принципам, как мы можем полагать сегодня. Они не были прямолинейными: «объективно проиграли, значит, молчат». Дело в том, что в послевоенные годы очень ярко проявился так называемый «эффект Пекинхема». Английский офицер Пекинхем был наблюдателем на японской эскадре в Цусимском сражении. В составленной по итогам боя записке он утверждает, что русские корабли стреляли чаще и лучше. В свою очередь, то же самое говорили о стрельбе японцев участники боя из числа выживших офицеров и матросов 2-й Тихоокеанской эскадры. Непосредственному участнику сражения в силу определенных причин психологического характера часто кажется, что противник лучше вооружен, лучше и чаще стреляет, обладает огромным численным превосходством и неисчерпаемыми резервами. Неочевидный эффект своих действий на противника приводил к неверной оценке самих действий. При этом новейшие исследования показывают, что замалчивать-то как раз стоило избиение советских танков под Прохоровкой, а не действия Южного фронта на реке Миус в июле 1943 г., многие документы по которым до сих пор закрыты грифом «секретно». Хаотичная и при внимательном рассмотрении бестолковая политика умолчания приводила к тому, что мемуаристы

вынуждены были оставлять без внимания многие моменты, несомненно оставшиеся у них в памяти.

Не нужно также забывать, что мемуары пишутся постфактум. Все тот же учебник источниковедения констатирует: «Главная же сложность состоит в том, что мысли мемуариста, умудренного опытом, уже знающего все последствия описываемых событий прошлого, эти мысли, вольные или невольные, часто вкладываются в голову того, может быть, даже совсем не прозорливого, и совсем даже не смелого, и далеко не сообразительного участника давней истории, каковым мемуарист

Мастер-скорняк Г. Жуков

был когда-то»¹. Такие моменты мы без труда найдем в любом военном мемуаре, как советском, так и немецком. Характерным примером является эпизод с рекомендацией Г.К. Жукова оставить Киев, за которую, согласно «Воспоминаниям и размышлениям», ему пришлось покинуть пост начальника Генерального штаба Красной армии. Последовавшее окружение советских войск под Киевом якобы произошло вследствие того, что Сталин не послушал начальника Генерального штаба. Как мы увидим далее, при внимательном изучении событий августа-сентября 1941 г. выясняется, что глубокого предвидения не было и предложения Жукова носили локальный характер и никак не влияли на судьбу Юго-Западного фронта в целом.

**Вице-унтер-офицер
Г. Жуков**

В свете вышеизложенного я считаю, что объективную оценку деятельности Г.К. Жукова можно получить скорее по тому тексту, который он практически со 100%-ной достоверностью писал сам, то есть по оперативным документам за его подписью. Когда, например, Георгий Константинович сам с нескрываемой гордостью пишет о сложной системе мер маскировки первого советского летнего наступления в 1942 г. под Ржевом. Этих документов хватит на несколько томов формата «Воспоминаний и размышлений». Конечно, они не всегда отражают механизм принятия решения, дискуссии между руководителями операций по тем или иным вопросам. С этим приходится мириться, т.к. отделить правду от вымысла в многочисленных воспроизведенных мемуаристом диалогах довольно трудно.

Одна из проблем в том, что помимо общих недостатков мемуаров воспоминания военачальников обладают рядом специфических особенностей. Как правило, в жанре мемуарной литературы работала культурная и политическая элита, чаще всего обладавшая опытом публичных выступлений, написания статей публицистического характера и даже крупных научных работ. Но не всякий полководец

---

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1998. С. 635–636.

обладает талантом излагать свои мысли на бумаге. Нам известны сильные и интересные мемуары Манштейна и Гудериана, но практически неизвестны воспоминания Гота и Хауссера. Гот нам больше известен по брошюрке из серии «Вермахт сражается», переведенной в советское время. При этом по своему боевому опыту Герман Гот может дать сто очков вперед Гейнцу Гудериану. Он с первого дня войны на Востоке руководил объединением класса танковой армии и прошел через пламя самых крупных сражений на советско-германском фронте. Гудериан же с поста командующего танковой армией был смещен в декабре 1941 г. и в дальнейшем объяснял фюреру разницу между боевым применением САУ «Штурмгешюц» и танка Pz.IV и другие рутинные вещи. То, что «быстрый Гейнц» известен нам больше других немецких танковых командиров, это исключительно плод его личного самопиара. Еще менее известны мемуары, написанные Паулем Хауссером, командовавшим вначале дивизией СС «Райх», затем танковым корпусом СС, а в 1945 г. поднявшимся на уровень командующего группой армий. Когда Хауссер писал свою книгу, СС были уже объявлены преступной организацией, и бывший эсэсовский полководец писал оправдательный труд, уделяя больше внимания не столько собственным мыслям, сколько боевой деятельности своих подчиненных в трудных эпизодах войны. Сражению на Курской дуге, в котором его танковый корпус СС играл одну из главных ролей, посвящено буквально две странички, сражению под Прохоровкой — один абзац. Пользуясь методикой В. Суворова, можно на этом материале легко развить конспирологическую теорию о поражении корпуса СС под Прохоровкой, которого на самом деле не было.

Понимание проблемы в соответствующих ведомствах СССР присутствовало. Повышение читаемости записей советских полководцев было поручено литераторам. При этом «инженеры человеческих душ», которым была доверена литературная обработка, вносили свои помехи в создание мемуаров полководцев. Среднестатистический писатель обладал практически нулевыми познаниями в военном деле. Привычным для него было красивое описание подвигов отдельных личностей тактического звена в армейской газете «Ура, вперед!». Термины и обороты, которые писатели могли нахватать на слух в штабе армии или фронта, только усугубляли общую картину поверхностных знаний, если даже не сказать, невежества в военном деле. Поэтому замечательный писатель, без преувеличения классик советской

литературы К. Симонов одновременно является автором целого ряда расхожих мифов о войне. Например, боевое применение бомбардировщиков ТБ-3 в массовом сознании устойчиво ассоциируется с описанием их расстрела из «Живых и мертвых», хотя увиденное Симоновым отнюдь не является типичным случаем. Гиганты ТБ-3 чаще всего применялись ночью и поэтому благополучно дожили до десантных операций зимы 1941/42 г.

Чтобы мемуары «заиграли», были действительно объективными и интересными вне зависимости от литературных талантов военачальника, нужна была огромная работа. Идеальный вариант представляется таким. Создается группа офицеров, имеющих академическое образование и опыт работы в штабах. Анализируя оперативные документы, офицеры готовят список вопросов, на которые старается возможно детально ответить полководец. Уже эти записи имеет смысл обрабатывать литературно. Литераторы просто не обладали достаточными знаниями, чтобы задавать действительно грамотные вопросы полководцам великой войны. Поэтому многие вещи, к сожалению, оказались безвозвратно утрачены.

Диалог военачальника с литзаписчиком, журналистом или даже историком часто представлял собой разговор слепого с глухим. Оперативное искусство не зря называется «искусством», а не «наукой» или «ремеслом». Деятельность полководца во многом носит творческий характер. Широко известна фраза, приписываемая итальянскому скульптору Микеланджело Буонарроти: «Я беру глыбу мрамора и отсекаю от нее все лишнее». Если в случае скульптора «лишнее» более-менее ощутимо и понятно, механизм действий полководца куда менее очевиден. Генерал смотрит на мешанину специальных символов на расстеленной на столе карте и, подобно Микеланджело, увидевшего в мраморной глыбе фигуру юноши, видит на карте контуры будущего сражения. При этом обычный человек, писатель или даже историк далеко не всегда может понять, что именно показывают разноцветные стрелочки и «реснички», нанесенные поверх лесов и дорог на карте.

Г.К. Жуков. 1923 г.

Жуков над картой. 1945 г.

Когда понимание механизма развития крупного сражения отсутствует, то на уровень крупного сражения проецируются более понятные тактические решения. Задача облегчается тем, что на расстеленной на столе карте масштаб событий во многом теряется. Как позиции полка, так и позиции целой армии и фронта умещаются на нескольких склеенных листах бумаги на письменном столе. Только масштаб склеиваемых кусков разных карт и измеряемые циркулем расстояния могут различаться на порядок, приводя от количественных изменений к качественным. Соответственно, считается, что обороняться, сидя в безопасном окопе за рядами мин и колючей проволоки, безопаснее, чем подниматься из окопа в наступление навстречу роям пуль и осколков. Но действительно великими полководцами становились те, кто понимал преимущества активной стратегии, те, кто был готов наступать с решительными целями в самой безвыходной ситуации. Успех в конечном итоге приходил к тому, кто умом или звериным

чутьем понимал необходимость подавить инстинкт самосохранения и атаковать сегодня, чтобы выжить и победить завтра. Искусством делало военное ремесло умение выбора точки и момента перехода в наступление от вынужденной обороны. Жуков этим искусством овладел в совершенстве. С первых дней войны он демонстрирует понимание того, как следует наносить контрудары в оборонительных операциях.

Еще более сложной и многогранной делала личность полководца необходимость управлять большими массами людей. Интеллигенция почему-то ищет среди военачальников отражения собственных представлений об идеальной личности. Полководец должен быть знатоком литературы и искусства, обладать тонкими чертами лица, желательно слабым зрением. Однако армия представляет собой особую касту общества, лидеры которой по личным качествам существенно отличаются от светил науки, образования или мастеров культуры. Это не шахматисты и не физики из «Девяти дней одного года». Помимо умения понимать оперативную обстановку военачальникам нужно доводить свои решения до многочисленных подчиненных и добиваться их исполнения. Это означает определенную жесткость, даже жестокость, умение психологически давить на собеседника и даже ораторские способности. В этом полководцы сродни крупным предпринимателям, политикам или воротилам промышленности. Только в отличие от владельцев сталелитейных заводов в подчинении у военачальников находятся люди, которые каждый день рискуют жизнью. «Бить их рублем» бесполезно, их можно или убеждать, или подавлять психологически. К этим способностям примыкает дар принятия решения. В отличие от кабинетного ученого военачальник принимает решения в условиях недостатка информации, не имея просто физической возможности всесторонне обдумать приказы и распоряжения. У него нет времени на рефлекссию: он опирается только на свой опыт и интуицию. Причем после выбора того или иного варианта действий чаще всего нужно упрямо гнуть свою линию, т.к. последовательное проведение в жизнь пусть не лучшего решения на войне гораздо лучше приводящих к хаосу метаний. Обратной стороной полезных для военного дела качеств оказываются не самые лучшие черты характера. Часто внешней стороной умения повелевать и проводить свои решения в жизнь становится скверный характер, что заставляет кого-то сетовать на манер Сальери в пушкинских «Маленьких трагедиях»:

Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

«Бессмертный гений» полководца может озарить и потомственно-го дворянина, и убежденного нациста, и прожженного авантюриста, примкнувшего в лихое время к революционным фанатикам. Гением военного дела может быть агрессивный, очень упрямый и лишенный классического образования и воспитания человек. Точно так же им может быть бывший молочник (М.Е. Катуков), банкир (державший «бутылочное горло» у Ладоги В. Венглер) или зубной врач (танкист Франц Беке). Дарующим необыкновенные способности поцелуем Господа иной раз награждается совершенно заурядный с бытовой точки зрения человек. Точно так же славный, добрый малый и прекрасный семьянин может оказаться полнейшим ничтожеством как военный и политический деятель. Совершенно бессмысленно оценивать Жукова или кого-либо еще, рассматривая его поведение в быту и манеру разговора с подчиненными.

Полководческий талант сродни музыкальному слуху. Если его нет, то никакая учеба не поможет. Академическое образование само по себе не дает никаких гарантий успеха на поле боя. Поэтому в любой армии при переходе от мира к войне происходит жесткий отбор военачальников всех рангов, отсеивающий тех, у кого «нет слуха» на музыку сражения.

Продолжая тему «Маленьких трагедий», не будет лишним заметить, что рассуждения о гении и злодействе здесь так же неуместны, как в случае хирурга со скальпелем в руках. Для общего блага и сохранения государства военачальникам часто приходится принимать жесткие решения в отношении тех или иных людей или даже сознательно обрекать на гибель целые подразделения. Более того, даже успешные боевые действия неизбежно приводят к потерям. Косвенно в гибели и увечьях солдат и командиров «виноваты» те люди, кто подписывал приказы на ввод в бой понесших потери частей и соединений. Мало кто будет возражать, что вообще без потерь вести войну невозможно. В 1918 г. английский премьер-министр Ллойд Джордж поручил одному из видных английских военачальников

Новобранцы. В центре – командир полка Г.К. Жуков

узнать у главы правительства Франции Жоржа Клемансо, правда ли, что какой-то французский генерал открыл способ вести наступление без потерь. Генерал дисциплинированно отправился к Клемансо за справкой. «Скажите, пожалуйста, Ллойд Джорджу, что он дурак!» — в сердцах ответил старик. Помимо неизбежных даже при идеальном планировании и проведении операции потерь малейшие ошибки в организации и неучтенные факторы приводят к дополнительным потерям. Все это является основой для спекуляций на тему о кровожадности военачальников и обвинений в гибели людей. Проблема в том, что полигонные условия ведения операций крайне редки. Разве что политики обеспечат упреждение противника в развертывании и «блицкриг». Большую часть войны приходится вести упорную борьбу, принимать решения в условиях недостатка времени и информации. Противники еще достаточно сильны и обрушивают

**Г.К. Жуков (во втором ряду справа) на Курсах
усовершенствования командного состава**

друг на друга чувствительные удары, и, казалось, безупречно спланированные операции превращались в мясорубки, продвижение вперед в которых исчислялось сотнями метров. Такие битвы пришлось пройти многим военачальникам Франции, Англии, Германии и России в 1914–1918 гг., СССР в 1942–1943 гг.

Обвинения в излишних потерях, вообще говоря, не редкость в отношении военачальников любого уровня. Однако последнее время именно Г.К. Жуков оказался под прицелом критики, далеко не всегда конструктивной. На мой взгляд, у этого явления есть две причины, точнее, группы причин. Во-первых, есть ряд персонажей, которые не могут простить Жукову колоссального вклада в успех Советско-

го Союза в Великой Отечественной войне. Как правило, эти люди являются убежденными антикоммунистами и в этой своей антипатии несколько заигрываются. Логика этого подхода напоминает сакраментальное «не доставайся же ты никому!». Обидно, конечно, когда любимая женщина уходит к другому. Но это отнюдь не повод целить в нее из револьвера и желать всяческих напастей. Новый «муж» России в лице коммунистов не был подарком, но это еще не повод желать зла своей стране. Достойный выбор всегда есть. Можно, как это сделал Шкуро, перейти на сторону нацистов, а можно, как писатель Гайто Газданов, участвовать в движении Сопротивления. Последний в Гражданскую смотрел на коммунистов через панораму «трехдюймовки», эмигрировал и работал в Париже таксистом. Оснований ненавидеть советскую власть у него было более чем достаточно. Однако он не считал нужным хоть как-то сотрудничать с немцами. Есть вечные ценности, лежащие выше личных политических пристрастий. Жуков не был «цепным псом режима», он просто честно служил своей стране. Эффективность политического и военного руководства была доказана флагом над Рейхстагом.

Рассуждения, которые в доведенном до логического финала виде звучат в форме «лучше бы мы проиграли, а не выиграли под началом коммунистов», просто глупы. В устах современных пещерных антикоммунистов это вырождается в рассуждения о том, что «выиграли нечестно», «завалили трупами» и т.п. В какой-то степени это напоминает рассуждения немецких мемуаристов о том, что Советам нечестно было иметь такой танк, как Т-34. Соответственно, сделавший много для победы в войне Г.К. Жуков оказывается главным «нечестным игроком». Доказывается, что он больше всех «заваливал трупами», упустил массу случаев закончить войну в Берлине уже в 1942 г., а приписываемые ему победы на самом деле следствие того, что немцы сами остановились и сами не хотели достижения поставленных целей.

Во-вторых, заметную группу неконструктивных критиков Г.К. Жукова составляют люди, для которых он является символом жесткого и бескомпромиссного начальника. Своими корнями эта ветвь критики Жукова уходит в армейскую среду тактического звена. Главный тезис этой критики не декларируется в явном виде, но вполне четко просматривается: высокие потери и неудачи в сражении всегда суть следствие ошибок высшего командного состава. В дале-

кой перспективе такая критика ставит целью выдачу индульгенции командирам среднего звена. Они практически никогда не ошибаются, а неудачи их суть следствие неправильных приказов «дураков-начальников». Вполне определенно этот тезис сформулировал написавший обличительно-разоблачительные мемуары начальник разведки 1-го гв. кавалерийского корпуса П.А. Белова полковник А.К. Кононенко: «Вечная слава героям, погибшим из-за ошибок своих высоких руководителей». Такая логика порочна сама по себе. Как часто говорят, «у победы много отцов, поражение всегда сирота». Если военачальник одерживает победу, то она становится общим достоянием. Действительно, свой вклад есть и у руководителя операции, и у командовавшего в ней взводом младшего лейтенанта. Однако в случае неудачи тактическое звено стремится сделать эту неудачу дитятей только высшего руководства. Между тем вполне очевидно, что своя доля вины лежит на всех. Проигрыш, так же как и победа, есть продукт действий всех участников сражения, от пресловутого младшего лейтенанта до генерала. Очевидно, конечно, что можно выступить безукоризненно и честно исполнить свой долг в проигранной битве. Но столь же очевидно, что проигрыш крупного сражения есть следствие цепочки неудач на поле боя, множества промахов командиров взводов, полков и дивизий. Многие позиционные «мясорубки» двух мировых войн начинались с провала командиров тактического звена в развитии прорыва, когда противник был еще слаб. Заметим, что знавшие толк в военном искусстве римляне наказывали не только руководителя побежавшего с поля брани легиона, но и проводили децимацию (казнь каждого десятого) рядовых бойцов и младших командиров.

Желание армейской среды перекладывать вину на высшее руководство, а самим оставаться в чистом белом костюмчике понятно и объяснимо, но не может быть поддержано. Это крайне опасная тенденция, приводящая к расхолаживанию армии, неизбежным следствием чего являются тяжелые поражения в больших и малых войнах. Особенно важно это в условиях локальных конфликтов, где большая нагрузка ложится именно на тактических командиров. Если они будут думать: «Мы всегда в белом, а начальники — дураки и тупицы», то вместо белого костюмчика у них будут все шансы обзавестись белыми тапочками и цинковым домиком. И если смерть вследствие собственного разгильдяйства и непрофессионализма — это личные

**Командир кавалерийского корпуса
 Г.К. Жуков (слева). 1937 г.**

трудности данных командиров, то гибель подразделений и невыполнение поставленных задач — это проблема страны и армии.

Одной из черт полководческого искусства Г.К. Жукова была способность воевать теми войсками, которые были в его распоряжении. Воевать дивизиями, состоящими из хорошо подготовленных «терминаторов», нетрудно. Намного тяжелее проводить сложные и многоплановые операции свежесформированными соединениями, опираясь на командиров, которых нужно постоянно поправлять и понукать. Поэтому помимо непосредственного руководства операциями Жуков принял активное участие в создании Красной армии заново после катастрофы 1941 г. Разработка теории и практики ведения наступательных операций и техники прорыва фронта на многие месяцы и даже годы стала объектом его раздумий и критического анализа прошедших боев. Артиллерийское наступление и штурмовые группы стали его детищем и визитной карточкой операций. Умение расстривать, подавлять и преодолевать огонь противника, продвигаться вперед и закреплять успех было первоочередным навыком войск, необходимым как в обороне, так и в наступлении. Жуков оттачивал это искусство с первых дней войны, он постоянно работал над совершенствованием тактики прорыва.

В отличие от других сфер человеческой деятельности война еще чрезвычайно опасна и не дает шанса непрофессионалам. В Средние

века учившийся с молодых ногтей фехтовать дворянин обладал колоссальным преимуществом перед людьми низших сословий в бою. Его реакция и знание приемов фехтования позволяли отправить на тот свет впервые взявшего в руки меч простолюдина, прежде чем тот успевал сказать «мама!». В Новое время «фехтование» распространилось на уровень ведения операций крупными массами войск. Здесь также умение быстро реагировать на ситуацию и ворочать сотнями тысяч человек не давало шансов дилетантам. Георгий Константинович был лучшим оперативным фехтовальщиком Красной армии. Он знал, когда нужно парировать удар противника или уходить от него, когда и как делать ответный выпад. Как и Красной армии в целом, ему пришлось пройти жестокую школу первых лет войны, но здесь тот случай, когда учеба была впрок и ее результаты быстро разворачивались в сторону непрошенных учителей.

«Тулон» красного комдива

Однажды Бонапарт указал на форт
Эгильет на карте и воскликнул:
— Вот где Тулон!
Генерал Карто, подтолкнув соседа
локтем, шепнул:
— Малый, кажется, не силен в географии.

Исторический анекдот

В жизни каждого знаменитого полководца есть свой «Тулон» — сражение, выделившее малоизвестного молодого военачальника из сотен таких же командиров. В декабре 1793 г. штурм Тулона сделал Наполеона Бонапарта бригадным генералом в 24 года и стал началом его головокружительной карьеры. Наполеон под Тулоном проявил главное качество полководца — умение видеть на карте «шверпункт», ключевую точку местности, позволяющую решить поставленную задачу. Как говорил Дерсу Узала: «Бывают такие люди: глаза есть, а «посмотри» нету». Полководческое искусство заключается во многом в наличии «посмотри» на карте и на местности. У молодого артиллерийского офицера Наполеона Бонапарта были и глаза, и «посмотри», а у руководившего осадой генерала Карто только внешне пригодные для «посмотри» органы зрения. Поэтому попытки штурма Тулона республиканцами были неудачными.

Роялисты в 1793 г. изгнали или перебили представителей новой власти и призвали на помощь крейсировавший в западной части Средиземного моря английский флот. Революционная армия осадила Тулон с суши. Крепость Тулон считалась неприступной. Капитан Наполеон был назначен начальником артиллерии осаждавших вместо заболевшего капитана Доммартена (кто-нибудь знает это имя сегодня?) по рекомендации депутата Конвента от Корсики и друга Бонапарта Салицети. Бонапарт рассчитал, что, взяв форт Эгильет, можно будет обстрелять флот противника, заставить его уйти и отобрать у защитников Тулона надежду на английскую эскадру. После двухдневной канонады в час пополудни 17 декабря под проливным дождем республиканцы пошли на штурм защищавшего форт Англий-

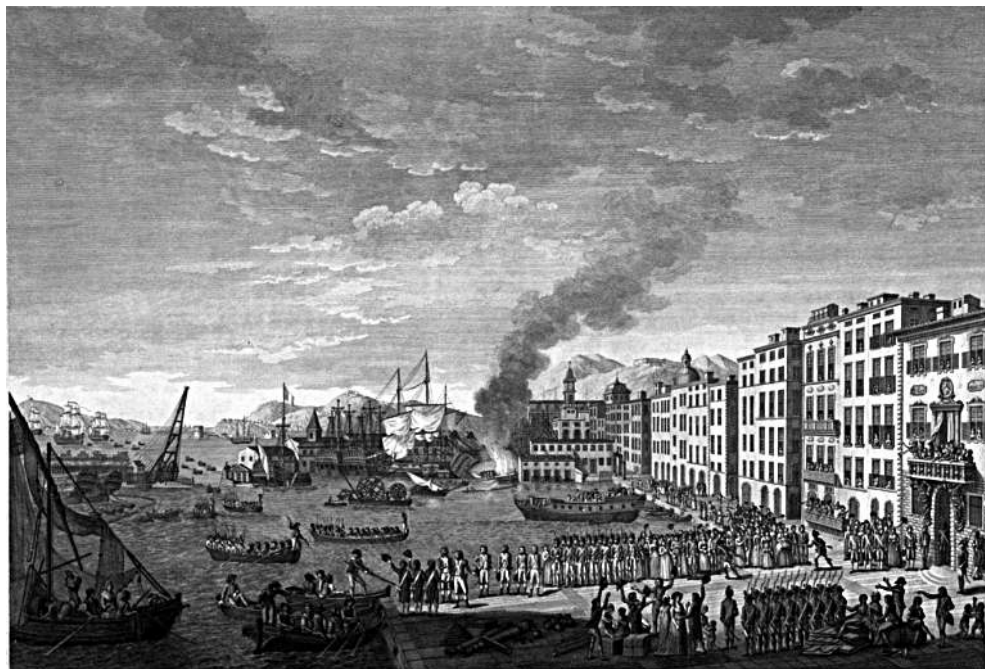
Наполеон в Тулоне

ского редута. В пять утра начался уже штурм самого форта, и вскоре Эгильет был захвачен. Наполеон начал на захваченных у Эгильета позициях устанавливать батареи, нацеленные на английскую эскадру. После этого падение Тулона действительно уже было делом времени. Грамотные и решительные действия молодого капитана-артиллери-ста были замечены в Париже. Началась карьера человека, прошедшего впоследствии шесть десятков сражений, количественно несравненно больше, чем в совокупности дали Александр Македонский, Ганнибал, Цезарь и Суворов.

«Тулоном» комдива Жукова стали сражения на реке Халхин-Гол летом 1939 г. Обычно с именем Жукова связывают только завершающую фазу конфликта — наступление советских войск в конце августа 1939 г. Однако в действительности ему пришлось разыгрывать довольно сложную комбинацию в течение трех месяцев боев. Жукову удалось вывести советские войска в Монголии из глубокого кризиса, отразить наступление японцев, накопить силы и разгромить

противостоящие ему японские войска в решительном сражении на окружение.

Если история назначения Наполеона в Тулон более-менее исследована, то в истории назначения Жукова командиром 57-го Особого корпуса до сих пор немало белых пятен. Предыдущий командующий корпусом, Н.В. Фекленко, был снят с формулировкой: «Плохо понимает природу боевых действий в специфических условиях пустынной степной местности». Комдив Жуков к моменту отправки в Монголию служил заместителем командующего Белорусским военным округом по кавалерии. На эту должность он был назначен в июне 1938 г., а до этого командовал кавалерийской дивизией и кавалерийским корпусом в том же Белорусском военном округе. Предположить, что Георгий Константинович за несколько лет службы в Белоруссии приобрел бесценный опыт действий в пустынях и степях, было бы безумием. Служивший с 1936 г. в Монголии Фекленко знал театр военных действий гораздо лучше. Более подходящим в сравнении с Жуковым кандидатом был, например, служивший в 1930–1933 гг. в Туркестане кавалерист Д.И. Рябышев. В конце концов, можно было

Англо-испанский флот в порту Тулона, 1793 г.

**Командующий 57-го
Особого корпуса
Н.В. Фекленко,
послевоенная фотография**

вернуть на пост первого командира Особого корпуса в Монголии И.С. Конева. Он еще со времен Гражданской войны был знаком с Дальневосточным ТВД.

Кроме того, назначение в Монголию кавалериста Жукова было само по себе странным. В 57-м Особом корпусе была лишь сравнительно малочисленная монгольская конница, а костяк советских войск составляли механизированные части и соединения на танках и броневиках. Мотоброневые бригады как организационные структуры были уникальными для Красной армии и существовали только в составе корпуса в Монголии. Если в других округах броневики применялись в разведывательных подразделениях, то в Монголии были созданы бригады из 57 средних и 25 легких броневиков, батальона мотопехоты и артиллерийского дивизиона. Закончивший курсы усовершенствования командного состава при Академии моторизации и механизации Фекленко был теоретически более подходящей кандидатурой для управления такими войсками. Более того, он с 1936 г. был командиром 7-й мотоброневого бригады 57-го корпуса и мог изучить возможности этого уникального в советской и даже мировой практике мотомеханизированного соединения. Если командование не устраивал лично Фекленко, то можно было подобрать кого-либо из командиров-танкистов.

Таким образом, становится понятно, что Жуков теоретически не был равноценной заменой Фекленко. Задача смены командира корпуса первоначально даже не ставилась. Г.К. Жуков был отправлен в Монголию не командовать корпусом, а с целью «проверки состояния и боевой готовности частей 57-го отдельного корпуса»¹. От должности заместителя командующего Белорусским округом по кавалерии Жуков не освобождался. Поездка в Монголию была лишь

---

¹ Краснов В. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 98.

временной командировкой будущего маршала. Именно с целью проверки состояния 57-го корпуса 29 мая 1939 г. комдив Жуков вместе с комбригом Денисовым и полковым комиссаром Чернышевым вылетел в Монголию. Существует легенда, что ключевую роль в назначении именно Жукова в проверяющие сыграл С.М. Буденный, знавший его по службе в инспекции кавалерии РККА в Москве в начале 1930-х годов. Тогда Семен Михайлович назвал Жукова «командиром с сильными волевыми качествами, весьма требовательным к себе и подчиненным, в последнем случае наблюдаются излишняя жесткость и грубоватость». Видимо, считалось необходимым «встряхнуть» командиров в удаленном от столиц и затерянном в степях Монголии 57-м Особом корпусе. Также Буденный отметил, что у Жукова «чувство ответственности за порученную работу развито в высокой степени». Похоже, Семен Михайлович сумел разглядеть в молодом красном командире качества характера, которые были куда важнее знания специфики какого-либо театра военных действий — умение

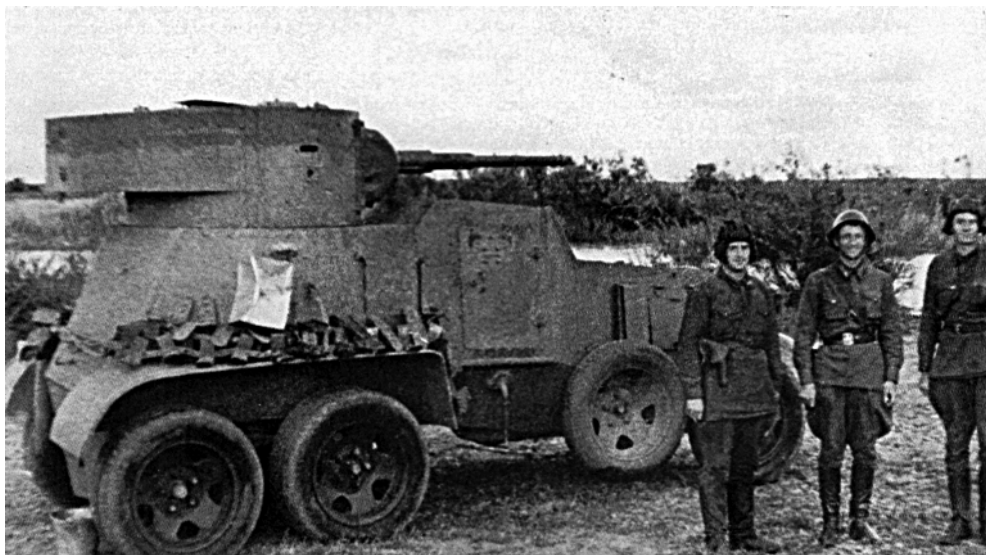
**Командующий фронтовой группой командарм 2 ранга
 Г.М. Штерн, командующий армией МНР маршал Х. Чойбалсан
 и командующий 1-й армейской группой комкор Г.К. Жуков**

повелевать и твердость характера. Пока Жуков был отправлен в роли требовательного проверяющего, который не углубится в банкеты с проверяемыми.

Необходимость для высшего руководства Красной армии иметь свои глаза и уши на Халхин-Голе была вполне понятной. Монголия до начала пограничных столкновений не была престижным местом службы. Эта удаленная от цивилизации окраина с суровым климатом давала мало возможностей проявить себя и сделать карьеру. Здесь просто тянули лямку тяжелой армейской службы, мечтая поскорее вырваться из безжизненной пустыни на краю света. Поэтому обошедшийся без успехов в мае 1939 г. Н.В. Фекленко априори вызывал настороженность у высшего командования. Командованию была нужна гарантированная победа.

Развивающейся Красной армии очень важно было не проиграть в разгоравшемся в мае 1939 г. конфликте с японцами. Люди старшего поколения, к которым относилось большинство руководителей Советского государства и армии, хорошо помнили пощечину 1904–1905 гг. Тогда не воспринимавшиеся доселе всерьез японцы нанесли удар по престижу России. Катастрофы Порт-Артура и Цусимы стали предвестниками последовавшего вскоре, меньше чем через

Экипаж броневедомости БА-6 7-й советской
мотоброневой бригады на Халхин-Голе

12 лет крушения империи Романовых. Пограничный конфликт с японцами был своего рода вызовом новой власти, которая должна была продемонстрировать свое умение решать проблемы силовым путем и превосходство над предшественниками на этом поприще.

В связи с этим небезынтересно проследить историю назначения Жукова с должности проверяющего на должность командира 57-го Особого корпуса. Надо сказать, что я сильно недолюбиваю мемуары за встречающиеся на каждом шагу мелкие неточности и нестыковки. Так, в «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков указывает, что прибыл в штаб 57-го корпуса «к утру 5 июня». Между тем имеется подписанный им документ, отправленный из штаба корпуса в Тамцак-Булаке 30 мая 1939 г. Это было донесение только что прибывшего проверяющего наркому обороны К.Е. Ворошилову.

Вникнув в работу командования 57-го корпуса, Жуков сообщает К.Е. Ворошилову ужасающие факты деятельности командования затерянного в пустыне соединения. Уже 3 июня 1939 г. он пишет: «С 29 мая не могут добиться полного введения скрытого управления войсками... Причина этого в том, что, несмотря на обещания, до сего времени не доставлены с зимних квартир забытые командирские коды»¹. Отсутствие скрытого управления войсками, являвшееся одной из причин ставшего хрестоматийным сокрушительного поражения армии Самсонова в Восточной Пруссии в 1914 г., скорее всего произвело убийственное впечатление на командование Красной армии.

Далее Жуков дает действующему командиру корпуса осторожную характеристику: «Фекленко, как большевик и человек, хороший и безусловно предан делу партии, много старается, но в основном мало организован и недостаточно целеустремлен. К проведению этой операции он заранее подготовлен не был, не был готов и его штаб.

**Маршал Советского
Союза С.М. Буденный**

¹ Краснов В. Указ. соч. С. 102.

**Народный комиссар
обороны, маршал
Советского Союза
К.Е. Ворошилов**

Более полную оценку Фекленко можем дать только после тщательного его изучения. Помогаем Фекленко и Никишеву в операции по уничтожению противника. Разработать и провести ее надо так, чтобы наверняка разгромить и крепко проучить японских негодяев¹. Нецелеустремленный и малоорганизованный военачальник для обеспечения пусть локальной, но победы над японцами был не слишком подходящей кандидатурой.

На размышление Ворошилову понадобилась неделя. 11 июня 1939 г. он предлагает Сталину отстранить Фекленко и начальника авиации корпуса Калининчева от занимаемой должности и назначить командиром корпуса в Монголии проверяющего Жукова. Сталин согласился. Уже на следующий день Фекленко телеграфирует в Москву: «Командование корпусом сдал комдиву Жукову». Теперь Георгий Константинович назначался лично ответственным за разгром «японских негодяев». Это был своего рода перст судьбы. Если бы изначально наркомом обороны было принято решение сменить командование 57-го Особого корпуса, то вряд ли на эту должность мог претендовать Жуков. Но 11 июня посылать в Монголию нового человека было уже бессмысленно. Воздушная война началась уже 22 июня, наступательные действия японцев у Баин-Цагана — в начале июля. Советское руководство чувствовало эскалацию конфликта на Халхин-Голе и приняло пожарное решение назначить новым командиром корпуса ближайшего соответствовавшего по рангу и личным качествам командира. Им оказался Жуков. Ему был дан шанс, который появляется раз в жизни, он попал в «социальный лифт», способный поднять на вершину или сбросить в пропасть. Этим шансом красный комдив воспользовался не хуже, чем капитан Наполеон под Тулоном. Не следует думать, что сам Жуков оказался без бдительного ока проверяющего. Наблю-

¹ Краснов В. Указ. соч. С. 102.

дать за его действиями направили заместителя наркома обороны Г.И. Кулика.

В отношении других средств борьбы проблема обеспечения нужного результата решалась незатейливо. Так, после майского доклада Фекленко о том, что удержание плацдарма на восточном берегу Халхин-Гола возможно будет только ценой больших потерь от японской авиации, в Монголию вылетела целая делегация специалистов с опытом войны в Испании и Китае. В ее составе было 48 летчиков и спе-

**Зримые результаты поддержки с воздуха.
Командующий советской авиагруппой на Халхин-Голе Я.В.Смушкевич
демонстрирует Г.К. Жукову кусок перкаля со сбитого японского самолета**

**Заместитель начальника ВВС РККА комкор Я.В. Смушкевич
(в первом ряду крайний слева) с офицерами у самолета
«Дуглас DC-3» на аэродроме Улан-Батора**

циалистов, в том числе 11 Героев Советского Союза во главе с заместителем начальника ВВС РККА Яковом Смушкевичем. Непрестижность службы в Монголии породила полнейший разброд и шатание в базировавшихся там авиачастях 100-й авиабригады. Дисциплина в авиабригаде оценивалась как «самая низкая». Летчики-истребители были обучены только технике пилотирования одиночных самолетов и не обладали навыками группового воздушного боя. Большинство из них даже не имело навыков воздушной стрельбы. Естественно, когда в мае 1939 г. грянул гром, получившие опыт боев в Китае японские пилоты вели воздушные бои с советскими летчиками практически без потерь. В составленном одним из участников боев, полковником Куцеваловым, отчете о боевых действиях советских ВВС на Халхин-Голе было прямо сказано: «В первоначальный период конфликта [...] воздушные силы 57-го Особого корпуса потерпели явное позорное поражение»¹.

¹ *Кондратьев В.* Халхин-Гол. Война в воздухе. М.: «Техника — молодежи», 2002. С. 9.